

Арктика — красота и смерть

Культура, — 1995. — 9-15 июля (№ 27). — С. 5.

Портрет русского первопроходца Арктики
Георгия Седова. Мрамор

Валентин МИХАЛЕВ,
заслуженный художник
России

Один из первопроходцев Арктики Фритьоф Нансен выразил свое представление об этом крае весьма лаконично: "Красота и смерть". В годы моей юности была она

все так же сурова и прекрасна, но опасность удвоилась: шла Великая Отечественная война...

Мы ходили по маршруту Архангельск — Амдера — Диксон — Дудинка — Игарка и обратно. Караван тральщиков, пароходов, ледоколов, сопровождаемый военными сторожевиками, шел по арктическим морям. На

судах были военные моряки, которые обслуживали зенитные орудия. Когда завывала сирена — воздушная тревога, — корабли как бы "ощетинивались", превращались в плавучие крепости. На нашем ледоколе, загруженном различными грузами для полярников, находилась большая группа женщин-беженек, репатрируемых на Север. Беженки со скудным скарбом кое-как устроились в трюмах, кто прямо на палубе, где рядом в деревянных ящиках размещались свиньи, коровы. Судно качало из стороны в сторону, свирепствовал ветер с дождем и снегом, волны захлестывали палубу. Пассажиры страшно страдали от морской болезни. Вместе с матросами мы накрывали их брезентом, привязывали веревками к палубе. Ревел шторм, постоянно слышались стоны и громкие крики людей и животных, стрельба зениток, взрывы подводных мин, и под этот аккомпанемент наш "Ноев ковчег" дошел наконец до места назначения — в Игарку.

На ледоколе я был машинным учеником, но приходилось выполнять и работу угольщика. Работали поочередно четыре часа, затем четыре часа отдыха,

— так целые сутки, день за днем, включая ночи. Угольщик должен был вручную на тачке через низкий квадратный коридор привозить из трюма уголь в кочегарку, где стояли невыносимая жара, духота, клубился пар, и в этом пекле надо было выгребать шлак из топок и наполнять им бак. Сигнал "вира" — и в вентиляционную трубу поднимался с горячим шлаком. Наверху, на палубе, на неистовом ветру, при сильной качке судна, вручную принимали тяжелый бак, чтобы выбросить содержимое за борт. Спешили обратно к трубе — крикнуть "майна". Такова в то время была "техническая оснащенность" труда моряков.

Обычно в море ледокол обходился скопления могучего льда, но неожиданно изменялось направление ветра, и коварный лед окружал корпус, корабль как бы застревал, замерзал во льдах. Движение судна — вперед-назад, на метр вперед, на десять назад, — мало что давало. Протаранив таким образом с полусотни метров, судно останавливалось. Выходили матросы-подрывники и впереди ледокола взрывали лед. И все начиналось сначала: вперед-назад. Борьба ледокола кон-

чалась победой льда. Через сутки-двое, если изменится направление ветра, с большими трудностями ледокол уходил из ледового плена.

Из Дудинки до Диксона ледокол взял на буксир металлическую баржу с горючим, но на выходе из Енисейского залива в Карское море начался свирепый шторм: видимость нулевая. С баржи раздавались душераздирающие крики о помощи: разбушевавшееся море разломило ее пополам, погиб один человек. Когда на короткое время показало, что шторм немного утих, моряки на шлюпке, рискуя жизнью, спасли измученных женщину, мужчину и собаку. В море из баржи вылилась часть горючего. Тогда, отрубив канат, соединяющий судно с оставшейся половиной баржи, ледокол ушел с опасного места. Далеко за горизонтом мы увидели огромные клубы черного дыма: это наши военные корабли расстреляли половинки баржи, чтобы горючее не досталось врагу.

На ледоколе "Георгий Седов" мы не раз заходили в военный Мурманск, работали в широких просторах Северного Ледовитого океана, возвращались в Ар-

хангельск и снова уходили в непредсказуемую Арктику...

Незабываема была суровая зимовка на Диксоне, когда более десяти судов были блокированы фашистскими минами и вынуждены задержаться в проливе, а наступившие морозы сковали льдами их корпуса на долгие месяцы полярной лютой зимы. Корабли застыли, как фантастические, сказочные видения: корпуса, палубы, трубы, мачты — все было в ледяном панцире, а кругом неистовствовала симфония вьюги. Между судами были протянуты канаты; привязавшись к ним за пояс, можно было на ощупь, преодолевая шквальный ветер со снегом, продвигаться к соседнему судну. Вот когда предстало во всем блеске и величии грандиозное арктическое сияние! Сполохи разноцветных вертикальных полос, то исчезая, то вновь возникая, кажется, почти опускаются на тебя и вдруг снова уходят ввысь — в бесконечность. Ощущаешь себя словно на краю Вселенной — малой песчинкой в великом Космосе, невольно чувствуешь присутствие Бога. В память о том времени, когда я плавал юнгой на ледоколе "Георгий Седов" и который был моим домом в Великую Отечественную войну, я вырубил из белого мрамора скульптурный портрет Георгия Седова, великого русского подвижника, дерзнувшего пойти к Северному полюсу.

Михаил Валентин

9.7.95